

63.3,
к-76

633

А. А. КОЩАНОВ. А. М. ДЖУМАШЕВ.

**ЗАРУБЕЖНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНА, ХОРЕЗМА
И КАРАКАЛПАКСТАНА В ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

9(у-кор) 63.3 (2уз-кор)

К-76

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
КАРАКАЛПАКСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. А. КОЩАНОВ, А. М. ДЖУМАШЕВ

ЗАРУБЕЖНАЯ И
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНА,
ХОРЕЗМА И
КАРАКАЛПАКСТАНА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XX ВЕКА

169846

НУКУС
«КАРАКАЛПАКСТАН»
1997

63.3(2Уз-Кар)

К-76

Б. А. Кошанов, А. М. Джумашев. Зарубежная и отечественная историография истории Туркестана, Хорезма и Каракалпакстана в первой четверти XX века.— (Ответственный редактор: доктор исторических наук Д. А. Алимова.)—Нукус: Каракалпакстан, 1997.—44 с.

В книге анализируется концепция отечественных и зарубежных историков относительно событий в Туркестане, Хорезме и Каракалпакстане в первой четверти XX века. В работе предложен принципиально новый подход к взглядам отечественных и зарубежных исторических школ, в отличие от старых взглядов, существовавших в условиях коммунистического тоталитарного режима.

Впервые в историографии широко анализируются взгляды советологов о деятельности агентов Центра—Турккомиссии, Туркбюро—как политического и военного штаба азиатской мировой революции. Показаны причины «советизации» Хивинского ханства.

Книга рассчитана на историков, студентов исторических факультетов ВУЗов, а также на политиков, занимающихся международными отношениями на современном этапе.

Ответственный редактор: доктор исторических наук
Д. А. Алимова.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор
А. И. Зевелев,
кандидат исторических наук
В. А. Германов.

К — 0503020904-401 — 97
М-357(04)-97

ISBN 5-8272-0029-8

© Издательство «Каракалпакстан», 1997

ВВЕДЕНИЕ

В нынешних условиях, когда идет острая борьба по поводу событий, происходивших в недавнем по историческим меркам прошлом, создать какой-то единый и целостный курс по ее историографии в новейшее время — нелегкая задача. Положение усугубляется тем, что очень быстро падает общественный интерес к историческим знаниям, особенно заметный в последние годы. Можно сказать, что в настоящее время историческая наука находится в глубоком и затяжном кризисе, который вызван концом целой эпохи и созданной ею историографии, называемой советской.

Об истоках и причинах кризиса разговор долгий. Это задача особого курса. Нам нужно лишь извлечь из этого некоторые уроки и попытаться наметить пути объективного освещения истории, поскольку многие догмы исторического материализма, служившие раньше критериями постижения истины, подвергаются критике и пересмотру. Причем, проблема гораздо более серьезная, чем кажется на первый взгляд. Слишком глубокий след в нашем сознании оставила прежняя идеология в форме всяких «измов», абстрактных классовых схем, определений, с детства впитавшихся в плоть и в кровь. Прежде в СССР никогда и нигде систематически не преподавалась иная философия истории, превратно и искаженно преподносились исторические школы, замалчивались или пылились на полках спецхранов труды крупнейших ученых. Нынешняя ситуация ха-

рактерна тем, что вакуум, образовавшийся в результате краха коммунистической идеологии, заполняется обрывками идей самого разного толка.

Между тем, потребность в объективном взгляде на историографию истории нашего региона в первой четверти XX века ощущается все более настоятельно. Крутые и поворотные годы, когда происходит явная и скрытая борьба различных тенденций вызывают необходимость критического переосмысления прошлого. В такие годы историография в наибольшей степени должна выполнять свою основную функцию—роль социальной памяти общества и исторических школ. В ней общество ищет для себя нужные ему социальные ориентиры, духовные ценности, традиции, нормы поведения. «Обращаясь к истории,—как пишет Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов,—необходимо исходить из того, что это память народа. Подобно тому, как не может быть полноценного человека без памяти, так и не может быть будущего у народа, лишенного собственной истории».

Особенность всякой недавней истории состоит в том, что она как бы опалена горячим дыханием современности. Она служит орудием в политической борьбе, она находится на перекрестке столкновения различных мнений. На этой основе многие считают, что правдивую историю в такой ситуации создать невозможно. К сожалению, для такого вывода есть основания.

Зависимость исторической науки от идеологии и политики подтверждается всем предшествующим опытом историографии. В ней существует направление, называемое презентизмом, которое призывает мириться с этой зависимостью. Главный тезис презентистов—каждое поколение переписывает для себя историю заново и извлекает из нее свой собственный опыт. Это максималистский подход, хотя бы потому, что каждый раз, переписывая историю, новое поколение начинает не с

«чистого листа, а волей-неволей вынуждено опираться на опыт предшественников.

Марксизм, как известно, также устанавливает в качестве аксиомы зависимость исторических знаний от мировоззрения, от убеждений, от господствующих в обществе идей. Провозгласив свое учение единственно верным, и возведя классовый партийный подход в абсолютный принцип научного познания, приверженцы марксизма попали в ловушку догматического сознания и в неразрешимое противоречие своих же собственных постулатов.

Нам необходимо зафиксировать это противоречие, чтобы выработать отношение к официальной советской историографии. Тем, кто интересуется проблемами истории новейшего времени Туркестана, Хорезма и Каракалпакстана, грех жаловаться на отсутствие научных трудов. Их гораздо больше, чем по остальным периодам истории края вместе взятым. Нужно ли нам сегодня их читать и изучать или же безжалостно выбрасывать из учебных планов и программ, как не соответствующих исторической правде и духу времени?

Этот вопрос очень сложен. Мы прежде всего должны принять во внимание недостатки, свойственные советской историографии. Они очень существенны. История была служанкой примитивной идеи, призванной показывать пройденный советским обществом путь от победы к победе, от успеха к успеху. Эта история, лишенная противоречий, внутренних коллизий, приходящая в явное несоответствие с жизненными реалиями, которые были ещё живы в памяти людей, или которые все могли наблюдать воочию, становилась псевдонаукой. В лучшем случае ей были присущи полуправда, фигуры умолчания об острых проблемах, иногда прямой подлог и фальсификация. Телеологический и утилитарный подход буквально пронизывал страницы исторических сочинений.

Тем не менее, хотелось бы предупредить против огульного отрицания всей предшествующей советской историографии. Естественно, встает вопрос: почему? Ведь мы имеем в сущности сфальсифицированную историю страны в угоду правившей партократии. Чтобы ответить на этот вопрос, надо в свою очередь, ответить на другой. Возможно ли было в тех условиях какое-либо поступательное развитие исторических знаний? Справедливости ради заметим, что сквозь путы марксистских догм, бесконечные диспуты схоластов пробивал себе дорогу путь к научному знанию. Большинство историков старались все-таки придерживаться общепринятых научных норм и принципов, сложившихся в результате длительного развития общества.

В рамках официальной историографии происходило накопление новых фактов, вводились в научный оборот комплексы архивных документов, высказывались оригинальные идеи, обозначались нетрадиционные подходы, совершенствовались методы исследования, происходило развитие вспомогательных исторических дисциплин.

Многие историки нарочито избегали обращаться к решению так называемых больших вопросов, углубляясь в дебри специализации, исследуя либо идеологически нейтральное, либо мелкие темы и сюжеты, постоянно подвергаясь риску быть обвиненными в отходе от марксизма. В ряде случаев советские ученые не отторгались научным мировым сообществом, находили контакт и взаимопонимание со своими коллегами за рубежом. Все это важно учитывать, так как встает вопрос о преемственности в развитии исторической науки в современной ситуации.

Сегодня у нас есть возможность выбора в подходах к освещению истории. Задача состоит в том, чтобы выбрать из них такой, который позволил бы наиболее полно и объективно отражать исторические события.

освободить историю от догм, вольных интерпретаторских наслоений, эмоциональной шелухи и заклинаний.

Нынешнее состояние исторических знаний вряд ли кого может удовлетворить. Идет борьба самых противоречивых тенденций, в которой уже четко обозначились крайности. С одной стороны, отчетливо видна струя полного и нередко зрящего отрицания всего, что связано с советским периодом, его поношения и оплевывания, с другой—тенденция к реабилитации даже самых мрачных страниц, связанных с джунаидовским произволом. Между этими крайними точками существует достаточно широкий спектр представлений и мнений.

Некоторые скажут, что это даже хорошо. Есть плюрализм, свобода точек зрения, и каждый волен придерживаться своих позиций и убеждений. Но хотелось бы обратить внимание на другую сторону проблемы. Признание такого плюрализма равносильно признанию невозможности объективного освещения прошлого. Историков много, помимо них множество дилетантов напропалую судят и рядят о том, что когда-то было.

К сожалению, советские историки и советская политология оказались настолько оторванными от жизни, догматичными и закоряченными в кругу шаблонных и стандартных формулировок, что казалось ничто не заставит их изменить свое отношение к басмаческому движению, которое продолжалось с 1918 до середины 30-х годов.

Советология внесла значительный позитивный вклад в исследование истории первой четверти XX века Туркестана, Хорезма и Каракалпакстана. Опираясь на опубликованные в советских изданиях материалы, обладающие уникальными источниками эмигрантских кругов, историки Запада разработали свою концепцию истории начала XX века, категорически отвергавшую советскую концепцию, например, в отношении басмаческого движения, превратившую басмачей в бандитов, разбой-

ников, мародеров и убийц. Справедливости ради, заметим, что это была альтернативная концепция, без которой, прямо скажем, трудно представить в целом характер басмаческого движения. Для подлинно научной истории крайне необходим историко-сравнительный анализ: исторические параллели и аналогии. С историко-сравнительным подходом связана проблема альтернативности в истории. Поэтому басмаческое движение без материалов, книг, статей зарубежных коллег бессмысленно изучать, так как в таком случае оно предстает в оценках номенклатурно-партийных документов, что, как оказалось, явилось самой обыкновенной фальсификацией.

В связи с этим актуальной задачей историков Республики Узбекистан является изучение работ зарубежных авторов по истории первой четверти XX века. Это поможет ввести в исследование этой важной проблемы дополнительный материал, скрытый до сих пор от нас цензурами и спецхранами, отойти от однобоких, необъективных, классово-ограниченных оценок и воссоздать близкую к истине картину этой страницы народов Средней Азии, а может и восстановить справедливость.

ГЛАВА I

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Параллельно с победой Советской власти шел процесс накопления научных знаний, фактического материала по исследуемой нами проблеме, в котором, на наш взгляд, можно условно проследить следующие этапы: эмбриональный, краткокурсовский, перестроечный.

Наиболее характерные особенности эмбрионального состояния изучения истории Туркестана (1919—середина 1930-х гг.), по мнению А. И. Зевелева, следующие: началось накопление исторических фактов; историю писали те, кто сам ее творил; историческая наука становилась ареной борьбы между историками-марксистами и их идеологическими оппонентами; источниковая база была ограничена.¹

В 1919 г., когда в Туркестане начало полыхать пламя гражданской войны, местные большевики под влиянием «центровиков» после третьего съезда КПТ опубликовали сборник,² который широко освещал всю палитру внутрипартийной борьбы за власть, интриг между «центровиками» и «активными коммунистами». Это была первая публикация материалов съезда КПТ в полном объеме, после этого их преподносили лишь в урезанном виде (резюльци, бюллетени, газетные сообщения и т. п.)³.

Юбилейный сборник «Три года Советской власти»,⁴ затрагивая различные аспекты интересующей нас проблемы, отражает наиболее характерные начальные ее оценки, которые оказали заметное влияние на дальней-

шее ее изучение. Статьи этого сборника не являются равноценными по глубине историографического прочтения нашей проблемы, но обнаруживают общую для большинства исследований первой половины 20-х гг. внешнюю черту—контраст между подачей общеисторических событий в стране и фактов местной истории. В восторженном и уверенном тоне этих работ выразилась радость недавних победителей. Общее мнение авторов статей сборника, их трактовку Октября и гражданской войны в Туркестане можно выразить одной фразой из статьи И. Сольца: «Февраль и Октябрь в Туркестане—лишь отклик баррикадной борьбы в пролетарских центрах—Питере и Москве».⁵ Вместе с широко известным еще с 1918 г. высказыванием Г. Сафарова о том, что «Февральская революция пришла в Среднюю Азию по телеграфу», она составила устойчивый стержень, на который «наназывались» оценки различных аспектов этой большой и сложной проблемы.

Появление и утверждение в туркестанской литературе такой точки зрения объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: во-первых, очень сложной исторической фабулой с присущими ей специфическими чертами, которая никак не вписывалась в классические представления революционной теории, как будто оправданной ходом событий в центре страны; во-вторых, взглядами ее авторов, так называемых «центровиков», прибывших в Туркестан по поручению ЦК РКП (б) для оказания «помощи местным большевикам». Поскольку уровень партийно-политической подготовки «центровиков» считался выше, чем уровень местных политических деятелей, их точка зрения стала доминирующей. Третья причина заключалась в отсутствии должной источниковой базы проблемы, которая могла бы вскрыть для исследователей целый ряд глубинных ее пластов.

По И. Сольцу, история Компартии Туркестана вобрала в себя три периода: первый—«колонизаторский»

(1918—начало 1920), второй—«интеллигентско-националистический» (начало 1920—июль 1920), третий—«интернационалистический» (июль 1920—время написания статьи).⁶ Г. Сафаров считал, что «колонизаторский» период существовал не только в истории Компартии Туркестана, но и в развитии туркестанской советской власти. Изучение вновь открытых источников подтверждает суждение Сафарова, в распоряжении которого находились тогда незначительные материалы. Вот краткие выдержки из них: «Период времени—с октябрьской революции до прорыва оренбургской пробки в сентябре 1919 года—полоса совершенно самобытного развития Советской власти в Туркестане... изоляция Туркестана от советской России с момента октябрьской революции еще более усугубила колониальный характер советского строительства... за почти двухлетнее изолированное существование Туркестана на поверхность поднялась вся муть и грязь старой колониальной политики...».⁷

Г. Сафаров признает, что соединение с Центром и приезд Турккомиссии вызвали «резкий перелом настроения среди мусульманского населения и широкую тягу к советской власти и Коммунистической партии». Однако он считает, что и после приезда Турккомиссии интернационализм существовал только «в резолюциях, декларациях и декретах, а на практике колонизаторство не было ликвидировано».⁸ Провозглашая, что «...утверждавшаяся после краха колонизаторства—буржуазно-националистическая группа Рыскулова быстро показала свою несостоятельность», Сафаров выдвигает в ее адрес три тягчайших обвинения: в групповщине, в буржуазности, в национализме. Эта оценка утвердилась в исторической литературе почти на шестьдесят лет, незначительно меняясь в зависимости от политической конъюнктуры.

Работы Г. Б. Скалова, уполномоченного Турккомиссии в Амударьинском отделе и Хиве, организатора «Хи-

винской революции» в отечественной литературе получили наименование работ «матерого троцкиста». Между тем, вместе с его докладными записками в адрес Турккомиссии они, на наш взгляд, позволяют лучше понять события в Хивинском ханстве и в Амударьинском отделе, деятельность полномочного органа Центра в Туркестане и посланцев Ленина в нашем крае. Заслуживает внимания вывод Скалова о том, что «революции на Востоке вообще, и в Хиве в частности, были настолько осложнены национальным моментом, и самые классовые отношения борющихся сил были настолько еще нечетки даже в субъективном сознании вождей движения и были настолько замаскированы уже устаревшими формами политического быта и идеологическими надстройками, уцелевшими от прошлого, что только величайшая внимательность к этим событиям на Востоке может избавить нас от излишнего европеизирования, а значит и от извращения самой их природы».⁹

«В рядах партии назревала группировочная борьба самого затхлого характера», — констатировал Е. Федоров в статье «К истории Коммунистической партии Туркестана».¹⁰ Внешне борьба шла под флагом отстаивания суверенных прав Туркестанской автономной республики, с одной стороны, и централизма, с другой. Федоров весьма удачно и образно раскрывает характер борьбы за власть между «центровиками» (П. А. Кобозев, И. А. Апин, Иванов и др.) и «децентралистами» («автономистами») (А. А. Казаков, Ф. Я. Успенский, Солькин и др.).

Историками того времени были в основном приняты сафаровские взгляды на происходившие в Туркестане события, а именно: 1) из Советской России революция была экспортирована; 2) пролетарская революция в Туркестане приняла типично колонизаторскую внешность; 3) ввиду колониального характера Советской

власти необходимо провести вторую революцию, на этот раз против колониализма.¹¹ Исходя из этого историки трактовали столь своеобразное явление в туркестанской действительности, как басмачество: «басмачество возникло на почве экономического кризиса, разрушившего хлопковое хозяйство»;¹² «советская власть породила басмачество»;¹³ «ферганское басмачество в полной мере типично для колониальных стран», поскольку имеет своей целью реставрировать «замкнутое натуральное хозяйство» и направлено против «колониально-капиталистической эксплуатации»,¹⁴ «необдуманная деятельность «центровиков» из Турккомиссии явилась одной из причин нового подъема басмачества летом 1920 года». ¹⁵ Видные деятели Туркеспублики и Туркфронта Н. Тюрякулов и П. Баранов признали, что басмачество имело «народный характер»¹⁶.

Первые партийные публицисты пытались вскрыть причины возникновения басмаческого движения, серьезно волновавшего руководство Туркеспублики, проследить отличия дореволюционного басмачества от после октябрьского. Они излагали свои мнения о выходе из политического кризиса, связанного с расширением сферы влияния басмачества.

Свои принципы освещения истории первых лет Советской власти в крае и деятельности Мусбюро ЦК РКП (б) предлагал видный партийный и советский работник Туркеспублики Т. Рыскулов.¹⁷ Книги этого автора хорошо документированы и служат своеобразным сборником материалов. Однако ЦК РКП (б) в постановлении от 21 декабря 1922 г. осудил первый сборник документов Рыскулова: «1. ЦК РКП(б) усматривает в издании брошюры... попытку культивировать идею желательности восстановления Мусбюро РКП, два года назад закрытого специальным постановлением ЦК РКП; 2. ЦК РКП напоминает Средазбюро ЦК, и в частности, Истпарту ЦК КПТ, что с практикой нашей партийной

работы... расходится создание организаций по религиозному принципу...»

Несмотря на предупреждение ЦК РКП (б) Рыскулов во втором сборнике приводит документы, характеризующие ожесточенную борьбу «центровиков» за власть в Туркестане, а также свою речь на III-ем съезде КПТ, где в частности говорилось: «Советской власти в мусульманской деревне не существует, а есть там феодализм и байство. И как же при таких условиях проводить в жизнь декреты, идущие из Центра без их приспособления к условиям?». В процессе становления командно-административной системы Рыскулов стремился охарактеризовать политическую ситуацию в Туркестане до приезда Турккомиссии языком документов.

В работах С. Д. Муравейского¹⁹ и Н. А. Паскуцкого²⁰ отсутствуют закрепившиеся в последующие периоды унифицированные подходы к процессам первых лет советской власти. Так, Муравейский впервые на основе разнообразного материала поставил вопрос о взаимоотношениях Турккомиссии с партийной организацией Туркестана. Он считал, что Турккомиссия в своей деятельности не могла опереться ни на «националов», ни на «европейцев» и проводила директивы Центра с помощью «центровиков», приехавших с Турккомиссией. После ее приезда «все, что лучше в Туркестане, объединилось вокруг Красной Армии».²¹ Действительно, без серьезной военной силы превратить Туркестан в маяк социалистической революции на Востоке вряд ли было возможно. Но за это высказывание Муравейского не раз критиковали историки, отстаивающие руководящую роль Компартии Туркестана в претворении идеи Октября в крае. «Очерки по истории революционного движения в Средней Азии» Муравейского оставляют впечатление работы яркой и глубокой для своего вре-

мени, к тому же это первый опыт учебного пособия по проблемам Туркестана в довоенный период.

Ценность брошюры Н. А. Паскуцкого во многом определяется тем, что она написана свидетелем событий (председателем РВС Закаспийского фронта, членом РВС других фронтов Туркеспублики), в распоряжении которого находились многочисленные документы. Книги Муравейского и Паскуцкого во многом повторяют друг друга.

Заключительному эпизоду гражданской войны в Семиречье—Верненскому мятежу посвятил большую статью уполномоченный РВС Туркфронта Д. А. Фурманов,²² впоследствии известный пролетарский писатель. На месте изучив предпосылки мятежа, автор констатировал, что «до половины 1920 г. в Семиречье не было твердой советской власти, ни пролетарской Коммунистической партии... местные части Красной Армии являлись плоть от плоти колонизаторами-семиречьями». Поэтому организаторы мятежа планировали сделать «его исходным для дальнейшей длительной и своеобразной великодержавно-шовинистической борьбы против коренных народов Туркестана».²³

Книга П. Алексеенкова—первая попытка исследовать борьбу русских переселенцев под руководством К. Монстрова во время одного из самых напряженных периодов—до соединения с Центром в сентябре 1919 г. Тезисы автора заключались в том, что «диаметральная противоположность основных экономических и социальных интересов ферганских крестьян и интересов Советской власти» породила «туркестанскую Вандею», т. к. в результате политики царского самодержавия в Туркестане была создана многочисленная прослойка переселенцев, которые были «в сущности кулаками большого или меньшего масштаба».²⁴ Ферганскую проблему Алексеенков развивал в своих статьях и брошюрах, опубликованных в начале 1930-х гг. По его мне-

нию, провозглашенный на IV съезде мусульман лозунг «автономии Туркестана», был «наиболее выигрышный для тогдашних условий лозунг». Автор признавал, что после Октября дехканство Ферганы заняло по отношению к Советской власти позицию «дружественного нейтралитета», а «Кокандскую автономию» не поддерживало.²⁵ Работы Алексеенкова, выполненные на достаточно широком для конца 20-х гг. источниковедческом уровне, способствовали дальнейшему исследованию феномена басмачества.

С. Т. Филиппов и Е. Козловский в своих трудах дали развернутую «хронику событий» на фронтах Туркестана с 1918 по 1920 гг.²⁶

Опираясь на солидный архивный материал, Ф. Божко первым из историков Средней Азии издал обобщающую работу о гражданской войне в регионе. Вскрывая причины создания продолжительного блока большевиков с левыми эсерами, Божко указывает на ошибки большевистских лидеров Туркестана, не расширявших свое влияние далее Ташкента и крупных промышленных городов края. Однако автор безосновательно утверждает, что Кокандская автономия «распалась сама собою в результате противоречивых столкновений классовых сил», «внутренней классовой борьбы разъедавшей национальную контрреволюцию»,²⁷ опуская факты кровавого подавления и уничтожения войсками Совнаркома Турккрая немногочисленных бойцов Кокандского правительства и красногвардейских погромов.

Благодаря исследованиям П. Антропова, посвященным первым съездам Компартии Туркестана;²⁸ мы живо представляем себе историю местного большевизма, отнюдь не представлявшего собой безликой партийной массы. Однако, персонажи его книги все же отобраны по признаку «политической благонадежности», что обедняет наше понимание борьбы того времени. Подводя итоги первому периоду отечественной исто-

риографии, отметим, что в нем проявились основные линии изучения роли партии в послеоктябрьской структуре власти. Шло освоение марксистско-ленинской методологии, при наличии альтернативных точек зрения. Постановка острых, порожденных реальной жизнью проблем диктовала публицистическую направленность работ. Не будучи в полном смысле слова историческими исследованиями, они тем не менее заложили основы дальнейшего историографического освоения темы. В этих работах отсутствуют закрепившиеся в последующие годы унифицированные подходы, хотя и на них лежит отпечаток влияния культа личности (уже сказывающегося в начале 1930-х гг.).

Следующий период отечественной историографии — середина 1930-х гг. — середина 1980-х гг. Точкой, обозначающей его отсчет, стало письмо И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» под названием «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в № 6 за 1931 г. Концепция письма возбуждала народы и его «Краткого курса истории ВКП(б)» стала в это время единственной и незыблемой. Правящая партия в «Кратком курсе» была вырвана из сложившихся в обществе связей. Рассмотрение взаимоотношений Центра и периферии свелось к утверждению правоты Центра, якобы всегда и во всем руководившему местной властью. Деятельность большевиков подавалась через призму ее оценок Сталиным, при этом большинство революционеров, действовавших в Туркестане, попало в категорию «враги народа». Обстоятельный анализ источников подменялся цитированием «нужных мест» из произведений Ленина, Сталина, из протоколов съездов и конференций КПСС. Это вело к догматизации идей Ленина и к превращению высказываний генерального секретаря ЦК КПСС в истину в последней инстанции.

Появление «Краткого курса» вызвало ряд работ обобщающего характера в Средней Азии. В исследовании К. Е. Житова и В. Непомнина²⁹ содержание периода гражданской войны и военной интервенции в Туркестане, изложение деятельности партии большевиков в эти годы сведены к соперничеству колонизаторских и националистических сторон в борьбе за автономию края. Рыскулов и его единомышленники названы авторами национал-уклонистами, хотя данный термин появился позже и никак не мог отражать сущность взглядов Рыскулова в 1918—19 гг. Обычным становится тезис о роковой роли троцкистов в развитии событий революции и гражданской войны, что автоматически отменяло всестороннее исследование ошибок и перегибов, допущенных большевиками Центра и края в 1917—22 гг. Все объяснялось «подрывной деятельностью троцкистов».

Э. А. Воскобойников и А. И. Зевелев³⁰ попытались ответить на вопрос о причинах создания Турккомиссии, считая её порождением военной обстановки в Туркестане, окруженном фронтами гражданской войны и отсутствия в Средней Азии закаленного местного пролетариата. Но книга названных авторов имеет ряд существенных недостатков: так, деятельность Турккомиссии показана в отрыве от работы местных партийных организаций. Написанная в духе культа личности, она не дает представления Турккомиссии как чрезвычайном военном и политическом штабе Центра. Позиция Турккомиссии сведена к мнениям Фрунзе, Куйбышева и Кагановича. Не имея под рукой архивных материалов, авторы полагали, что председателем Временной Турккомиссии был П. А. Кобозев. Репрессированные впоследствии Элиава, Кисилев и другие ее сотрудники для них не существовали.

С некоторыми сторонами деятельности Турккомиссии знакомит нас первая глава брошюры К. Кулиева.³¹ В

Николева в своей статье привлекла неизвестные ранее документы из фондов ЦПА ИМЛ для описания борьбы Турккомиссии за единовластие в Туркестане. В ее статье впервые уделялось большое внимание деятельности Особой временной комиссии по делам Туркестана в Самаре и Оренбурге, были выявлены фактические данные о подготовке похода в Туркестан.³²

Открытые XX-м съездом КПСС широкие возможности использования богатейших фондов партийных архивов вызвали активную публикаторскую деятельность, качественно и количественно расширившую источниковую базу исследований в Средней Азии.³³

Монография А. И. Зевелева³⁴ явилась во многих отношениях новаторской. На значительной источниковой базе был дан подробный анализ проблеме гражданской войны в Узбекистане, переосмыслено ленинское наследие и работы местных коммунистов. В книге интересно все: от небольших исторических справок и биоштрихов в подстрочнике до характеристики историографии вопроса. Однако влияние прежних стереотипов оказывается еще очень сильно, особенно в оценке деятельности Т. Рыскулова и П. Кобозева.

В опубликованных в 1958 г. материалах объединенной научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма, в выступлениях историков Т. Е. Елѐуова, М. Х. Назарова, С. Н. Покровского определены темы, еще ожидающие своего изучения: во-первых, проблема «политических ошибок» Компартии Туркестана в национальном вопросе; во-вторых, расхождения Турккрайкома и Турккомиссии в области национальной политики; в третьих, роль Турккомиссии ВЦИК, оценивающаяся по-разному, а также анализ позиции и деятельности ее членов.³⁵

Сборник «Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918—1924»³⁶ давал исследователям первичный материал, до XX съезда

КПСС секретный. В 1988 г. этот сборник был переиздан и дополнен новыми сведениями: в него были включены решения пяти конференций КПТ, отражающие сложную обстановку в Компартии Туркестана. Положительным фактором явилась публикация в приложении к сборнику состава руководящих органов КПТ в период с 1-го по 8-й съезды. Однако до сих пор не опубликованы полные стенографические отчеты съездов и конференций.

В. М. Устинов ввел в научный оборот новые источники, извлеченные, главным образом, из фондов ЦПА ИМЛ, проанализировал деятельность Особой временной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, отметив, что она не смогла в полной мере вернуть свою работу и осуществить надзор за деятельностью большевиков края, хотя ее создание и свидетельствовало о начале изменения курса ЦК РКП(б) по отношению к Туркестану.³⁷

На историко-партийной науке 60-х—середины 80-х гг. отрицательно сказались решения XXI-го съезда КПСС: курс на «развернутое строительство коммунизма»; принятие Программы строительства «коммунистического общества» к 1980 г., а также сделанное 9 ноября 1977 г. Л. И. Брежневым заявление о том, что в СССР построен развитой социализм. В результате при разработке проблем историко-партийной науки продолжались традиции «Краткого курса». Исследователи снова были ограничены рамками схемы и должны были акцентировать внимание на успехах построения коммунистического общества, избегая каких-либо его критических оценок.

В этом отношении характерны «Очерки истории Коммунистической партии Туркестана» с их основной формулой: «партия—непременный руководитель и организатор всегда и во всем».³⁸ Хотя в Туркестане партийных организаций долгое время попросту не было, историки

писали об их руководящей роли. «Очерки»³⁹ подстраивали среднеазиатскую историю под схему многомной «Истории КПСС» без учета местных особенностей; слабо разрабатывали местный материал; избегали «острых углов». Стиль их в соответствии с принятым в стране курсом на выполнение «величественной программы построения коммунизма» был триумфально-парадным.

Основные события книги Х. Салахутдинова⁴⁰ разворачиваются на фоне борьбы группы «старых коммунистов» во главе с И. Тоболиным с коммунистами, приехавшими в Туркестан по заданию Центра (И. Клевлеев, П. Кобозев, М. Качуринер, В. Пашко и др.). Автор обстоятельно характеризует этих людей, приходя к выводу, что туркестанские большевики, не имея конкурентов в 1917—18 гг., привыкли «вариться в собственном соку», убедительно показывает интриганство в высших эшелонах власти Туркестана. Однако, Салахутдинов допустил явный крен в сторону очернения местных большевиков и возвеличивания роли «центровиков».

Усилиями историков среднеазиатских республик и Казахстана к 50-летию Октября была подготовлена обобщающая монография по истории партийных организаций этого региона.⁴¹ В предисловии в сжатом виде изложена ее концептуальная основа, настораживающая уже тем, что в исследовательский лексикон вернулся термин «национал-уклонизм» — порождение «кратко-курсовской эпохи».

Добавляя к известным положениям новые факты, историки попытались создать академическое издание истории гражданской войны в Узбекистане.⁴² Однако структура монографии (каждый из ее авторов стремился по своему разделу дать законченный в тематическом и хронологическом отношении очерк) оказалась упрощенной, что сказалось и на ее содержании.

В это время выходили в свет биографии революционеров, написанные на достаточно разнообразной документальной базе. Их общим недостатком являлось идеализирование большевистских деятелей, умалчивание о том, что многие из них были репрессированы в 1937 г.⁴³ Удачными были работы середины 1980-х гг. о партийно-государственной деятельности Рыскулова: цельная и сложная историческая фигура с взлетами и падениями, победами и промахами, в неразрывной связи со своей революционной эпохой пришла на смену схематичному образу Рыскулова-националиста и Рыскулова-уклони́ста 1930-х—начала 1960-х гг.⁴⁴

В исследовании К. Хасанова⁴⁵ дана периодизация деятельности полномочных органов партии на Востоке: 1) 1917—1918 гг.; 2) февраль 1919—июль 1920 гг. (деятельность Временной Турккомиссии, а позже постоянной Турккомиссии); 3) июль 1920—апрель 1922 гг. (деятельность Туркбюро ЦК РКП(б)); 4) апрель 1921—ноябрь 1934 гг. (создание и деятельность Средазбюро ЦК ВКП(б)). Она вызывает, однако, ряд вопросов. Автор не учитывает, что в первый период руководство Центра большевиками Туркестана было слабым и местные коммунисты и левые эсеры были заняты по существу «игрой во власть». Пост чрезвычайного комиссара Средней Азии (занимаемый Кобозевым) можно лишь условно отнести к институту полномочных органов власти. На наш взгляд, необходимо отделить деятельность Особой временной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР от работы постоянной Турккомиссии (они различны и по времени своего существования и по своим правам).

Объективен подход к деятельности полномочных органов партии в Средней Азии. С. Назарова, отметившего ошибочность и поспешность взглядов и решений некоторых посланцев Ленина, слабо знающих особенности Туркестана⁴⁶.

В историографии еще не выяснены вопросы о месте и значении полномочных коллегий ЦК, в том числе Турккомиссии, Туркбюро в системе руководящих органов партии, функциях и методах Турккомиссии, с одной стороны, и Туркбюро-Средазбюро, с другой. Так, за 15 лет (1919—1934) ЦК партии имел в Средней Азии два вида полномочных коллегий: Турккомиссию и областные бюро ЦК в лице Туркбюро и Средазбюро. Однако в литературе нет четких представлений о том, что Турккомиссия, облеченная партийными и государственными правами, являлась неуставной коллегией ЦК, в то время как Туркбюро, Средазбюро, будучи областными бюро ЦК, были органами, санкционированными съездами и уставом партии.

1980-е гг.—время новых подходов к анализу исторического прошлого. Во главу был официально поставлен «анализ критический, ни от чего не отворачивающийся, ничего не скрывающий, не боящийся никакой правды»⁴⁷. Тем не менее современный период аккумулировал в себе многие противоречия предшествующих этапов. Авторы ряда публикаций, находясь под воздействием привычных историографических концепций, тем не менее пытаются критически подойти к ним⁴⁸.

Среди новейших работ среднеазиатских историков следует отметить труды В. В. Германова, Ф. Х. Касымова, Х. Исмаилова, Ф. Исхакова, И. М. Козыбаева, Е. А. Прилуцкого, М. К. Хасанова, Б. Эргашева и др., пытающихся заново осмыслить опыт национальной политики большевиков в среднеазиатском регионе⁴⁹. Однако исторические явления, характеризующие Туркестан, Хорезм и Бухару в период 1917—22 гг. изучаются пока фрагментарно.

Историки на каждом этапе развития науки по-разному, в зависимости от политической обстановки и уровня своей профессиональной подготовленности пытались воссоздать прошлое, наметить перспективы даль-

нейших исследований. В результате сложилась большая историографическая традиция изучения проблем Средней Азии в 1917—22 гг. Всю литературу, в которой нашли свое освещение интересующие нас аспекты, условно можно разделить на две группы.

К первой относятся издания, в которых анализировались конкретно-исторические работы по Туркестану. Это в основном труды, посвященные ленинскому теоретическому наследию и его роли в становлении исторической науки в республиках Средней Азии,⁵⁰ историографические исследования по изучению истории Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане,⁵¹ деятельности ЦК РКП(б), его полномочных органов в Туркестане, Компартии Туркестана, Хорезма и Бухары.⁵² В исследованиях этой группы четко обозначены процессы приращивания исторических знаний по актуальным проблемам истории Туркестанской АССР, показаны успехи и недостатки в развитии региональной историографии. Однако многие их выводы нуждаются в серьезных поправках, ибо акцент ставился ими на показ героической борьбы народов Туркестана под руководством Коммунистической партии,⁵³ что сегодня вряд ли может быть признано научным анализом прошлого.

Во второй группе трудов освещены основные этапы и направления разработки проблем национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане в 1917—22 гг., прослежена эволюция научных знаний по данной теме.⁵⁴ При этом национальная концепция и практика большевиков оценивалась как позитивная. С современной точки зрения указанные работы, констатирующие «сплошное торжество ленинской национальной политики»,⁵⁵ также требуют критического под-
хода.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ.

Позиция зарубежных исследователей истории Туркестана, Хорезма и Бухары периода 1917—22 гг., занимающей одно из центральных мест в советологии, была противоположна позиции советских историков. Советологи провели тщательное обследование всех сторон общественно-политической жизни региона и дали в целом реалистическую картину событий в Средней Азии в первые послеоктябрьские годы.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии первыми летописцами событий стали сами их очевидцы и участники. Командующий английскими войсками в Закаспии генерал Маллесон по горячим следам своих походов описывал боевые действия английских солдат и индийских сипаев.⁵⁶ Генерал-майор английской секретной службы Денстервиль признался, что еще летом 1918 г. у английского командования имелись широкие планы военной интервенции против Туркестана, которые оно осуществило при помощи «Закаспийского временного правительства». Денстервиль поддерживал дружественные отношения с эсерами Туркестана и «они знали, что смогут во многом, рассчитывать на англичан, если захватят власть в свои руки»⁵⁷. Деятельность английской секретной службы в Туркесреспублике нашла отражение в работе английского консула П. Ф. Эссертона⁵⁸ и французского археолога Ж. Кастанье.⁵⁹ Основной причиной английской военной интервенции в Туркестан авторы считали «угрозу немецкого и турецкого проникновения в край», ибо «план продвижения в Азию через Туркестан значительно облегчался бы наличием в этой области большого числа выпущенных на свободу австрийских пленных».

В конце 1920-х гг. в русскоязычной эмигрантской

историографии появились крупные работы, авторы которых не вдаваясь в подробности, пытались раскрыть объективные истоки диктатуры большевиков, их деятельность по уничтожению идеи национального самоуправления.⁶⁰ В этих работах показано, как партия большевиков превратилась в основное орудие централизованного управления страной в условиях развала хозяйства и военного коммунизма.

Бывший глава «Кокандской автономии» Мустафа Чокаев, эмигрировавший на Запад, констатировал, что «большевики усиленно взялись за перекрашивание действительности и стали приписывать туркестанскому «Октябрю» черты совершенно ему не свойственные. Без риска впасть в ошибки или преувеличение, можно сказать, что вся посвященная истории Октябрьской революции в Туркестане советская литература вплоть до этого (1935) года и носящая следы некоторого правдоподобия объявлена контрреволюционной бандой, «троцкистским» или еще того хуже «националистическим извращением» физиономии туркестанского Октября. Боязнь своего происхождения, борьба против «не предвзятой схемы», стремление доказать во что бы то ни стало непорочное начало «туркестанского Октября» — вот характерная особенность большевистской историографии...»⁶¹. М. Чокаев одним из первых стал утверждать «народный характер басмачества и его национальные цели». Однако и он признавал, что «у басмачей не было ни ясно выраженной национальной идеологии, ни национальной программы».⁶²

Американский историк У. Бетселл выдвинул тезис о насильственном присоединении к Советской России «большевистским империализмом» Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии.⁶³

А. Бран — представитель дипломатического корпуса Великобритании в России — представил революцию в Средней Азии как акт враждебный и нежелательный для

местного населения, описал борьбу антисоветских сил как «священную войну» всех мусульман, говорил о не популярности ленинской национальной программы у жителей региона.⁶⁴

В целом, первые издания зарубежной историографии были основаны на данных иностранной агентуры, свидетельствах деятелей антибольшевистского лагеря, вынужденных эмигрировать из СССР.

Не имея фактических материалов, авторы указанных работ все же логично вскрыли сущность власти большевиков в Средней Азии.

В 40—50-е гг. на Западе формировались многочисленные научные организации, которые стали руководящими центрами исследований проблем Советского Союза, в том числе и культуры народов Средней Азии и Казахстана.⁶⁵ Под их воздействием сложилась современная зарубежная историография истории Туркестана. При всем их стремлении к объективизму, политика и идеология холодной войны, маккартизм, антикоммунизм наложили определенный отпечаток на выдвинутые ими концепции.

Эрих Гула в своей статье говорил, что право наций на самоопределение—чисто тактический маневр, более того, результат произвольного влияния на большевиков национализма.⁶⁶ Ему вторил Стенли Пейдж, утверждавший, что ленинское самоопределение народов было «чисто тактическим приемом».⁶⁷

«Первые два года власть (в Туркестане) была в руках маленькой кучки большевиков»,—верно подметил Уильям Мендел.⁶⁸ Однако, в его труде отсутствовали фактические материалы (их заменяли ссылки на сочинения Сталина), что определило ряд неточностей в изложении событий: утверждалось, например, что Турккомиссия состояла из Кагановича, Фрунзе и Куйбышева; что власть феодалов, баев и мулл в сущности осталась нетронутой и т. п. Тем не менее, монография

У. Менделя давала представление о событиях первых четырех лет после Октября.

«Выявляя многочисленные противоречия и несоответствия в ленинском учении и обнажая/особенно великорусский уклон, воплощенный в нем,—с уверенностью писал Альфред Лоу,—можно разрушить те надежды и ожидания, которые возлагают угнетенные народы на спасительную мощь мирового коммунизма в СССР».⁶⁹ Он подчеркивал, что в условиях победившей Советской власти для большевиков проблема завоевания доверия угнетенных народов по сравнению с дооктябрьским периодом отошла на второй план, и они подчинили национальные требования интересам классовой борьбы.

Уильям и Зелда Коатцы на основе трехтомника «Гражданская война в СССР» изложили свою концепцию истории Туркестана, Хорезма и Бухары в 1917—20 гг.⁷⁰ По их мнению, власть большевиков утвердилась там только к началу 1920 г. после ряда наступлений Красной Армии в Закаспии.

«Успех или провал большевиков определялся не революционной теорией,—писал Хью Ситон-Уотсон, а кровью и железом. Те национальности старой России, которые занимали более выгодное географическое положение, образовали независимые государства и их правительства не были коммунистическими... Те же национальности, которые оказались в худшем географическом положении (Туркестан), попали под власть большевиков»⁷¹. Ему же принадлежит утверждение, что «большевистская политика—продолжение русификаторской политики Александра III и Николая II»⁷².

«Революция была русской не только потому, что она произошла в России,—полагал Вальтер Коларз,—но также потому, что она возглавлялась людьми, которые были русскими в этническом или культурном плане. Это не означало, что ее поддержало большинство русских, или, что она явилась триумфом русских нацио-

нальных устремлений. Напротив, революция явилась результатом деятельности только одной русской партии, большевистской или коммунистической партии, которая старалась поставить себя над всеми нациями Российской империи, а затем над всеми нациями земного шара»⁷³. Коларз заявлял о «колонизаторском» характере Октябрьской революции, которая, вместо того, чтобы положить конец русской колонизации, дала ей новый импульс: насильственно стала проводиться индустриальная, аграрная, культурная русская колонизация, и в конечном счете нерусские народы полностью утратили свою независимость и самостоятельность⁷⁴.

Олэф Кэроу⁷⁵ и Ричард Пайпс солидаризировались с В. Коларзом и использовали его тезисы при создании своих теоретических построений. По версии Р. Пайпса, никаких объективных и субъективных предпосылок для социалистической революции в Средней Азии не существовало—капитализм только развивался, преобладали феодальные отношения, борьба разворачивалась не между классами, а между коренным населением и «пришельцами», революционных организаций в регионе не было, сильное национальное движение отсутствовало. Поэтому социалистическая революция не отвечала потребностям местных жителей и была им навязана силой.⁷⁶ Р. Пайпс утверждал, что приход к власти большевиков народы Средней Азии восприняли враждебно, деятельность советских властей не поддерживали. Поэтому в дальнейшем советизация региона проходила только в форме вооруженного завоевания.⁷⁷ И наконец, автор заключал: Советское правительство не предоставило народам права самостоятельно определять свою судьбу, грубо вмешивалось в их дела, насильно удерживало национальности в рамках русского государства, не проявляло никакой заботы о нуждах местного населения. Поэтому образование СССР не отвечало ин-

тересам нерусских народов и было выгодно только русским.

Необходимо отметить, что ни одно современное зарубежное исследование в области национального вопроса не обходится без ссылок на работу Р. Пайпса. Ганс Кон в рецензии на книгу Пайпса отметил, что он создал первый всеобъемлющий труд о роли национальных движений в истории русской революции 1917—23 гг. Его рассказ о большевистском русском повторном завоевании Украины, Кавказа и мусульманских земель документально обоснован, объективен и не утратит интереса, когда освобождение нерусских национальностей из-под контроля Москвы составят одну из серьезнейших проблем⁷⁸.

Александр Парк в своей монографии подробно остановился на истории создания и уничтожения «Кокандской автономии»⁷⁹. Требования лидеров «Кокандской автономии», по мнению Парка, совпадали с программой РКП(б) по национальному вопросу. Однако, после захвата власти Советами в Ташкенте «горечь и злоба мусульман, разжигаемая страхом социальной революции, и негодование по поводу исключения местных жителей из управления территорий привели к окончательному разрыву»⁸⁰ с большевиками. Отечественные историки в 1990-е гг. на основе документальных источников подтвердили выводы А. Парка о событиях в Коканде в 1917—1918 гг.⁸¹.

Баймурза Хаит, смигрировавший в годы второй мировой войны, в своих трудах, посвященных Туркестану, описывал негативные результаты национальной политики большевиков⁸². Ненависть автора к Советам не позволила ему объективно подойти к оценке деятельности полномочных органов Центра в Туркестане.

Монография английского политического деятеля и историка, бывшего директора Центра исследований Средней Азии, Джеффри Уилера, продолжавшего раз-

вивать концепцию Р. Пайпса, является крупным исследованием по нашей теме⁸³. Автору удалось избежать историографических штампов и дать правдивую картину истоков и результатов политики большевиков в Средней Азии. Тезисно приводим главнейшие положения Дж. Уилера:

В течение 1917 г. вся политическая деятельность была сконцентрирована в Ташкенте. Ташкентский Совнарком осознал, что кокандское «буржуазное» правительство было серьезным препятствием к его существованию, т. к. изъявляло волю огромной части мусульманского населения. Революция, принятая на 4-м внеочередном региональном съезде мусульман, созванном для объявления автономии, была первым признаком пробуждения национального сознания населения Туркестана, первой (и последней) попыткой законным путем обрести независимость. Неспособность Кокандского правительства достичь своей цели объясняется не его неопытностью, плохой организацией и неполным представительством, а лишь тем, что безоружным мусульманам противостояло огромное военизированное формирование, введенное в регион⁸⁴. Дж. Уилер обнаружил документы, уличающие руководство Красной Армии в недостойных методах борьбы против национально-освободительного движения, в провокациях междоусобных столкновений различных его групп.

1918—19 гг. были годами тяжелых испытаний для мусульман Средней Азии. По утверждению Уилера, правительство, пока оно существовало, было в руках людей, совершенно не сочувствующих ни духовным, ни материальным достижениям мусульманской культуры. Многие из них были беспринципными авантюристами.

Ценность книги Дж. Уилера состоит в полемике с советскими историками. Он опровергает тезис о том, что мусульманское население принимало активное участие в революции и гражданской войне. Гражданс-

кая война шла между соперничающими русскими политическими силами при значительном участии около 50 тыс. немецких, австрийских и венгерских военнопленных. Уилер несогласен с трактовкой басмачества зарубежными историками, считающими его великим всетурецким националистическим выступлением. Причиной басмачества послужили, по мнению Уилера, разграбление Коканда в январе 1918 г. и террор со стороны немусульманского Таш-Совнаркома. Нельзя говорить о басмачестве, как о явлении всемусульманском. В целом монография Дж. Уилера остается наиболее объективной работой по истории народов Средней Азии в 1917—22 гг.

Ученые университета Глазго (Англия) Алек Ноз и Джон Ноутц, опираясь на предыдущие исследования, утверждают, что «вызов революции в Хиве и Бухаре был логическим продолжением политики царизма и здесь были свои мотивы Советского правительства насчет границ Средней Азии и Закавказья, комбинированной в трех принципиальных факторах—жизненная необходимость доставки сырья, в равной степени жизненная необходимость исключительно важного потенциального плацдарма для отражения вражеского нападения и мечта восстановления традиционных имперских границ»⁸⁵.

Впервые в зарубежной историографии был создан столь капитальный труд как книга Сеймора Беккера «Российский протекторат в Средней Азии: Бухара и Хива, 1865—1924». Автор широко использовал советскую литературу и ознакомил зарубежную общественность с истинным положением дел в Хорезме и Бухаре в начале XX в. «То, что Ташкент и Москва решили обустроить судьбу Хивы раньше бухарских проблем,—отмечает С. Беккер,—было связано с открытой агрессией Джунаид-хана—его многократными нападениями на российскую территорию и поддержкой (войсками и неза-

маскированными действиями) казачьего мятежа в дельте Амударьи».⁸⁶ Политическая ситуация в маленьком ханстве была относительно неустойчива. Далее автор описывал боевые действия частей Красной Армии, вторгшихся в Хивинское ханство. По мнению С. Беккера, местные силы Компартии Хорезма были настолько слабы, что руководство осуществлялось исключительно коммунистами России и Туркестана.

В это же время вышла монография профессора Корнельского университета (США) Элизабет Бэкон, посвященная культуре Средней Азии за годы правления большевиков⁸⁷. В главе «Оазис под властью коммунистов» Э. Бэкон отмечает, что русские рабочие-железнодорожники, не теряя времени, установили власть Советов в Ташкенте. Малочисленные, но хорошо организованные, большевики имели план действий. В работе Э. Бэкон дается оценка действий мусульманских лидеров, прослеживается развитие басмачества как формы борьбы против политики Советов. Главная идея труда Э. Бэкон, как и других работ консервативной группы советологов,—утверждение антирусского характера басмаческого движения. Она, на наш взгляд, необоснована и искажает суть басмачества, подменяя истину о нем надуманными соображениями.

По образному выражению Т. Раковска-Хармстоун, «Кокандское правительство оказалось головой без туловища». Автор считает, что Турккомиссия была создана в связи с ростом мусульманского сопротивления в Туркестане, вызвавшим обеспокоенность у большевистского правительства в Москве⁸⁸. В то же время Раковска-Хармстоун пишет, что политика Турккомиссии сопровождалась искренним стремлением втянуть мусульман в государственную структуру, выполнив ленинские обещания равенства и самоопределения народов, при убежденности большевиков, что классовая преданность

новых союзников перевесит старые групповые и религиозные связи.⁸⁹ «Плохие колонизаторы» были отправлены Турккомиссией назад, репрессии против мусульманских традиционных учреждений прекратились, а мусульманские «прогрессисты» были приглашены вступить в партию и правительство. В то же время Турккомиссия продолжала энергично подавлять открытое сопротивление⁹⁰. Тот же взгляд поддерживает Марта Олкотт, утверждая, что Комиссия была послана для изучения размеров басмаческого восстания⁹¹. Анализируя причины его возникновения, М. Олкотт приходит к выводу, что главной из них является ислам.

Практически все советологи единодушны в мнении, что Туркестану была предложена территориальная автономия, при которой он не имел никаких политических и законодательных прав, реальная же власть принадлежала Москве.

Вторжение советских войск в Афганистан вызвало на Западе новую волну интереса к истории басмаческого движения. Западные исследователи считали, что его природа близка природе движения сопротивления в Афганистане, и тщательно изучали причины поражения басмачества с целью дать рекомендации по избежанию такого исхода в Афганистане.

Наиболее обстоятельным исследованием басмачества являлась монография профессора университета Нью-Йорк Сити колледж Майкла Ривкина⁹². Рецензентом она характеризовалась как «интересное и даже провокационное резюме западных знаний о среднеазиатских национальностях Советского Союза... Фактически эта книга служит первоосновой для каждого желающего заниматься исследованиями Средней Азии»⁹³. Путь басмаческого движения, пишет М. Ривкин, был сложным: оно стартовало как бандитизм, затем переросло в национально-освободительное движение, но в конце концов вернулось к прежней форме. Главными предпосыл-

ками его возникновения М. Ривкин считал незаконное и произвол Советской власти в Средней Азии и политику военного коммунизма.

По мнению Мэри Броксан, главного редактора журнала „Central Asian Survey“ басмаческое движение не было подлинно освободительным, не являлось священной войной—джихад. Суть борьбы басмачей, считает она, заключалась в стремлении сельской общины сохранить свои духовные ценности и свой образ жизни. Поэтому после приезда Турккомиссии «радикальные русские шовинистические элементы Ташкентского Турксовнаркома, обвиненные в «левом уклоне», были изгнаны и заменены более интеллектуальными «интернационалистическими» элементами... Компартия и Советы были открыты для сочувствующих мусульман, или просто симпатизировавших, которые были приняты во все органы власти... антирелигиозная пропаганда отменена, а к местному обществу относились с уважением..., мечети, которые были закрыты Ташкентским Советом, вновь открыты... Эра политической либерализации соответствовала очень прочному военному положению»⁹⁴.

Ширин Акинер дает исторический очерк жизни народов этнографических групп, проживавших в царской России и в СССР, подчеркивая, что за время пребывания мусульман под властью «неверных» (сперва царских чиновников, а затем коммунистов) политика центральной власти по отношению к ним менялась много раз⁹⁵. Книга ее имеет справочный характер.

Использованные в работах Дж. Феллона⁹⁶ и Ф. Фрезера материалы в большинстве своем были обнародованы впервые и произвели сенсацию. Они показали энергичные попытки британских правящих кругов вмешаться в события в Туркестане, Хиве, Бухаре и Афганистане, повернуть ход дел в благоприятную для басмачей сторону, что как известно, не удалось. Ф. Фрезер считает, что время играло против басмачей, и по мере

укрепления Советской власти, совершенствования ее механизма, отставки наиболее одиозных и шовинистических настроенных ее руководителей, отказа от репрессивных мер басмачество исчезало само по себе.

Еще в начале 1980-х гг. французский историк Элен Кэррер д' Анкос⁹⁸, изучив советскую и зарубежную литературу, приходит к выводу, что, «использовав энергию угнетенных народов в революции для собственных политических целей, большевики на самом деле оставались равнодушными к их будущим судьбам». И потому созданная ими империя должна распасться. Спустя десять лет этот прогноз подтвердился, большевики не смогли найти «рецепта» решения национального вопроса в СССР.

Марко Бутини неудачи большевиков в Средней Азии в первые годы их власти объясняет социально-политическими конфликтами, голодом и разрухой в крае⁹⁹. Автор ограничивает свои наблюдения самым тяжелым в экономическом отношении 1918 годом и заключает свою работу утверждением, что «если бы не был введен диктаторский режим, то русское господство в Средней Азии, возможно, закончилось бы еще тогда», в 1918 г.

Обобщающие труды советологов Э. Карра, Дж. Боффа, Н. Верта, М. Геллера, А. Некрича, Э. Каррер д' Анкосса, Ф. Силницкого и др. были переведены на русский язык, что дало возможность нашему читателю сопоставить концепцию западных и российских историков¹⁰⁰.

В целом точку зрения советологов на события в Средней Азии в 1917—22 гг. можно изложить следующим образом:

«социалистическая революция в Туркестане явилась чисто русской революцией и была навязана народам края;

по своему содержанию она была «колонизаторской»;

революция носила насильственный, захватнический характер и лишила народы Туркестана права самостоятельно распоряжаться своей судьбой, ликвидировав их единственную попытку создания своего государства—Кокандской автономии;

орудием разрушения и подавления национальных чувств и устремлений выступала русская большевистская партия, опирающаяся на Красную Армию;

Турккомиссия и Туркбюро выступали в роли контрольных агентов Центра в отношении «красной колонии»;

басмаческое движение было отчаянной реакцией на злоупотребления Советской власти; суть борьбы басмачей заключалась в стремлении восточной общины сохранить свой образ жизни (советологи отказались от догм 50-х гг., представивших басмачество национально-освободительным движением, ныне они считают, что у басмачей не было программы и четких целей борьбы);

«революции» в независимых государствах—Хиве и Бухаре—не отличались по своей форме и способам от революции в Туркестане;

образование СССР не отвечало интересам нерусских народов, что является причиной национальных конфликтов на территории бывшей СССР.

В отечественной историографии работы зарубежных советологов подвергались основательному разбору, по данный «анализ» был далек от научной полемики, велся в прокурорском тоне; оценки зарубежных работ всецело исходили из идеологических и политических принципов». ¹⁰¹

В последние годы в отечественной историографии намечился отход от прежнего догматического отношения к трудам советологов. Ведется выработка новых критериев их изучения. ¹⁰² Объединение усилий отечественных и зарубежных историков, конструктивная полемика и

диалог, несомненно, позволят максимально использовать накопившийся богатый материал по истории азиатского региона для глубокого, подлинно научного, всестороннего исследования событий в Туркестанской АССР, Бухаре и Хорезме в первые послеоктябрьские годы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане), Ташкент, 1968. С. 41, 60.

2. Труды 3-го съезда Коммунистической партии Туркестанской Республики Р. С. Ф. Ташкент: Туркестанский коммунист, 1919.

3. См. I съезд КПТ//Наша газета. 1918. 28—29 июня, II съезд КПТ//Там же. 26—31 декабря; IV съезд КПТ//Туркестанский коммунист, 1919 7—8 октября; Резолюция 5-го краевого съезда КПТ. Ташкент, 1920 и др.

4. Три года Советской власти. Сб. статей. Ташкент: Туркестанский коммунист, 1920.

5. Сольц И. К истории К.П.Т//Там же. С. 45.

6. Там же. С. 49—53.

7. Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М.; Госиздат, 1921. С. 75, 76, 102.

8. Сафаров Г. Революция и национальный вопрос в Туркестане//Правда. 1920. 24 июня.

9. Скалов Г. Б. Хивинская революция 1920 года// Новый Восток. 1923, № 3. С. 24.

10. Федоров Е. К истории Коммунистической партии Туркестана//Коммунистическая мысль. Ташкент, 1926. № 2. С. 69.

11. Сафаров Г. Колониальная революция. С. 102.

12. Там же. С. 91.

13. Батманов Н. Басмачество и борьба с ним //Красная Армия, 1921, № 9. С. 24.

14. Скалов Г. Б. Социальная природа басмачества в Туркестане//Коммунист. Ташкент. 1922. № 7—8. С. 51, 52, 59.

15. Зуев Д. Ферганское басмачество//Гражданская война. М., 1923—1924. Т. III.

16. Тюрякулов Н. Ферганская проблема//Военная мысль. 1921. № 2; Баранов П. Положение Туркеспублики//Там же.

17. Мусбюро РКП (б) в Туркестане, I, II, III Туркестанские краевые конференции РКП. 1919—1920 гг. (Введ. Т. Рыскулова. Ташкент: Туркгосиздат 1922; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана (Сб. главных статей, докладов, речей и тезисов). 1917—1919 гг. Ташкент: Госиздат, 1925.

18. Цит. по: Зевелев А. И. Указ. соч. С. 51.

19. Муравейский С. Д. (Допухов). Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). Ташкент: Госиздат, 1926.

20. Паскуцкий Н. А. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922.

21. Муравейский С. Д. Указ. соч. С. 29.

22. Фурманов Д. А. Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г. //Пролетарская революция. 1923, № 11.

23. Там же. С. 71.

24. Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 17, 18.

25. Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 13, 16, 66.

26. Филиппов С. Т. Боевые действия на Закаспийском фронте 1919—1920 гг. Ашхабад, 1928; Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии (военно-исторический очерк). Ташкент, 1928. }

27. Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент: Узгиз. 1930. С. 22, 24.

28. Антропов П. Второй краевой съезд РКП(б) в Туркестанской республике//Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929.

29. Житов К., Непомнин В. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939.

30. Воскобойников Э. А., Зевелев А. И. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. Ташкент. 1951.

31. Кулиев К. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии. Ашхабад. 1956.

32. Николаева В. Турккомиссия—полномочный орган ЦК РКП(б) //Вопросы истории КПСС, 1958. № 2.

33. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии 1917—1920. Фрунзе, 1957; Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. 1918—1920. Ашхабад, 1957; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963—1964. Т. I—2 и др.

34. Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959.

35. Материалы объединенной научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана периода социализма. Алма-Ата, 1958.

36. Там же. Ташкент, 1958.

37. Устинов В. М. Ленинская политика партии на Востоке. Фрунзе, 1963.

38. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ч. III. Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1964.

39. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1966.

40. Салахутдинов Х. История образования и первые годы деятельности Компартии Туркестана. Ташкент, 1966.

41. История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967.

42. История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1964. Т. I—2.

43. Мужественные борцы за дело коммунизма. Ташкент, 1957; Революционеры—вожаки масс. Ташкент, 1967; Революцией призванные. Ташкент, 1987 и др.)

44. Устинов В. М. Служение народу. Алма-Ата, 1984; Рыскулов Т. Р. Избранные труды. Алма-Ата, 1984; и др.

45. Хасанов К. Х. Ленин и Туркбюро ЦК РКП(б). Ташкент, 1968.

46. Назаров С. Х. Руководство ЦК РКП(б) партийным строительством в Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1972.

47. Горбачев М. С. Революционной перестройке—идеологию обновления. М.: Политиздат, 1988. С. II.

48. Наше Отечество (Опыт политической истории). М.: Терра, 1991. Ч. II; Акрамов А., Авлиякулов К., В. И. Ленин, Турккомиссия и укрепление Советской власти в Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1971; Генис В. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году//Вопросы истории. 1993. № 7. С. 46—70 и др.

49. Германов В. В. Новый документ по истории Советского Туркестана начала 20-х годов//Общественные науки в Узбекистане. 1991. № 4. С. 41—47; Его же. Меморандум для В. И. Ленина//Диалог (Ташкент), 1991. № 4. С. 43—45; Касымов Ф. Х. Некоторые вопросы новейшей историографии народных революций 1920 года в Хорезме и Бухаре//Общественные науки в Узбекистане. 1990, № 1. С. 44—48; Касымов Ф. Х., Эргашев Б. Э. Дорогу выбрал Курултай//Родина, 1989, № 12; Исмаилов Х. Тур-

кестан в эпоху двух революций//История СССР. 1990. № 5. С. 211—219; Исхаков Ф. Прошлое глазами историка. Ташкент; Узбекистан, 1990; Козыбаев И. М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990; Прилуцкий Е. А. Некоторые вопросы формирования советской национальной государственности в Туркестане//Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 6. С. 23—29; Хасанов М. К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки //Там же. № 2. С. 41—52; Его же. Смертельный гамбит. Из истории Осиповского мятежа//Звезда Востока. 1991. № 10. С. 122—142; Узбекистан: страницы истории/Отв. ред. М. К. Хасанов. Ташкент: Узбекистан, 1991; Эргашев Б. Э. Идеология национально-освободительного движения в Бухарском эмирате. Ташкент: Фан, 1991 и др.

50. Зевелев А. И. Некоторые проблемы истории народов Средней Азии в трудах В. И. Ленина//В. И. Ленин и исторические науки. М., 1968; Ланда Л. М. Ленин и развитие советской историографии в Узбекистане//Общественные науки в Узбекистане. 1970. № 3—4; Дахшлейгер Г. Ф. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата. 1973; Пастух Б. С. История партийных организаций Средней Азии в трудах В. И. Ленина//Труды Кокандского ГПИ. 1971. Вып. 7.

51. Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана (историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент. 1968; Иноятов Х. Краткая историография гражданской войны в Средней Азии. Ташкент, 1974 и др.

52. Пастух Б. С. Историография создания и укрепления Компартии Туркестана. Ташкент, 1976; Устинов В. М. Историография и источниковедение проблемы партийного руководства социалистическим строительством в Средней Азии и Казахстане. М., 1980; Мухамедов Ш. Б. Историография коммунистических организаций Средней Азии. 1917—1925 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1990; Горелкина И. А. Большевики Казахстана в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, 1918—1920 гг. Историография проблемы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1990; Темирходжаев Дж. П. Советская и зарубежная историография истории деятельности полномочных органов Коммунистической партии и Советского правительства в Средней Азии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1991 и др.

53. Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана. С. 131.

54. Абдуллаев Ш. Ш. К историографии осуществления ленинской национальной политики в Узбекистане//Учен. зап. ТГПИ. Ташкент, 1970. Вып. XXXV; Элбаум Б. Осуществление национальной политики в Туркестане в трудах советских исследователей

//Историография социалистического и коммунистического строительства Туркменской ССР. Ашхабад, 1978; Касымов Ф. Х. Минута капитализм. Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. М., 1980. Кулешов С. В., Свириденко Ю. С. Национальная политика, КПСС в освещении советской историографии и буржуазной советологии: познание исторической истины и против ее искажения. М., 1986 и др.

55. Кульматов К. Становление системы Советов и национально-государственное строительство в Средней Азии. Проблемы истории и историографии. М., 1992.

56. Mallison W. The British Military Mission to Turkestan: 1918-1920 // The Journal of the Royal Central Asian Society. 1922. Vol. IX.

57. Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. Тифлис: Советский Кавказ, 1925. С. 122.

58. E thepton P. E. In the Heart of Asia. B., 1925.

59. Castagne J. Le Turkestan depuis la Revolution russe, 1917—1922. P., 1927; Idem. Les Basmachis. P., 1925.

60. Александров А. Большевики, поднявшие меч, от меча должны и погибнуть. Исторический анализ положения Советской власти (1917—1925) и перспективы будущего. Париж, 1926; Иванов Ст. ВКП: Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928; Милюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1—2; Спектакор. Русский термидор (сумерки коммунизма). Харбин, 1927.

61. Чокай оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж: Яш Туркестан, 1935. С. 11.

62. Chokaiev M. The Basmachi Movement in Turkestan // The Asiatic Review, 1928. Vol. XXIV. P. 273; Idem. Fifteen Years of Bolshevik Rule in Turkestan // Journal Royal Central Asian Society, 1933. Vol. XX. P. 351—359; Idem. The Basmachis // The Central Asian Resistance Movement, 1918—1924 // Central Asian Review, 1930. Vol. XVII. P. 236; Idem. Turkestan and Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society, 1931. Vol. XXVII. P. 403—420.

63. Batsell W. R. Soviet Rule in Russia. N. Y., 1929, P. 28.

64. Brun A. N. Trouble Times. Experiences in Bolsheviks Russia and Turkestan. L., 1931. P. 44—47.

65. См. подробнее: Ахтямова Ю. С. Национальная политика Советской власти в Средней Азии в американской буржуазной историографии. Ташкент, 1973.

66. Hula E. The Nationalities Policy of the Soviet Union. Theory and Practice // Social Research, 1944. Vol. XI. No. 2. P. 179—181.

67. Page S. W. Lenin and Self-Determination // The Slavonic Review. 1950. Vol. 28. No. 71. P. 354.
68. Mengel W. The Soviet Far East and Central Asia. N. Y. The Deal Press, 1944. P. 97-119.
69. Low A. Lenin on the Question of Nationality. N. Y., 1958. P. 17.
70. Coates W. P. and Zelda K. Soviets in Central Asia. L.; Lawrence Wicht LTG, 1951. P. 67-116.
71. Seton-Watson H. The Pattern of Communist Revolution A Historical Analysis. L., 1953. P. 46.
72. Seton-Watson H. Soviet Nationality Policy // Russian Review. 1956. Vol. XV. No. 1. P. 3-13.
73. Kolarz W. Russia and her Colonies. L., 1952. P. 7.
74. ibid. P. 10-30.
75. Caroe O. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. L., 1953.
76. Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917-1923. Cambr.: Harvard Univ. 1954. P. 52-53, 75-79.
77. Ibid. P. 155-184, 255-256.
78. The American Historical Review. Vol. 80. No. 3. P. 682.
79. Park A. Bolshevism in Turkestan, 1917-1927. N. Y., 1957.
80. Ibid. P. 17.
81. Хасанов М. К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. 1990 № 2. С. 41-52; Кошанов Б. А. Туркестанская (Кокандская) автономия // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1993. №2. С. 95-99.
82. Haight B. Turkestan im XX Jahrhundert. Darmstadt. 1956. Idem. Some Problems of Modern Turkestan History. Dusseldorf, 1963.
83. Wheeler J. The People of the Soviet Central Asia L.; Eodley head, 1966.
84. Ibid. P. 7-12.
85. Nove A., Neuth J. The Soviet Middle East: a Model for Development L.; George Allen Union LTD, 1967. P. 17-31.
86. Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Kiva, 1865-1924. Cambr. Mass., 1968. P. 286-289.
87. Bacon E. Central Asia under Russian Rule Study in Cultural Change. N. Y.: Cornell Univ. Press, 1968. 2-print.
88. Rakovskaya-Harmstone I. Russia and Nationalism: in Central Asia. Baltimore: John Hopkins Press 1970.
89. Rakovskaya-Harmstone I. Islam and Nationalism: Central Asia and Kazakhstan under Soviet Rule // Central Asia Survey. 1983. Vol. 2. No. 2. P. 25-26.
90. Ibid.
91. Olcott M. B. The Basmachi or Fresment 'S' Pevoit in

Turkestan, 1918—1924/—Soviet Studies. Glasgow, 1981. Vol. XXXIII. No. 3. P. 357.

92. Ryvkin M. Moscow's Muslim Challenge. Soviet Central Asia I—print. L., 1982; 2—print L., 1990.

93. Soviet Studies. 1983 No. 1933. 429. 3., P. 429 Рецензию М. И. Черемисской см.: Восток, Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' 1992 №5. С. 198—203.

94. Broxup M., The Basmachi // Central Asian Survey. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 66—67.

95. Akiner Sh. Islamic Peoples of the Soviet Union: (With an app. on the Non-Muslim Turkic Peoples of Soviet Union). L., Kagan Paul Intern., 1983.

96. Fellone J. The Responce of National Liberation Movement on the South Central Asia. Peshaver, 1983.

97. Fraser F. Basmachis // Central Asian Survey. 1987. No. 2. P. 2.

98. Carrere d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. L., 1982.

99. Buttino M. Politice and Social Conficts during a Famine. Turkestan immidiately after the Revolution // In a Collapsing Empire. Underdevelopment Ethnie Conflicts and Nationalism in the Soviet Union. Annali, Milano 1992 P 237—280.

100. Карр. Э. История Советской России. В. 14-ти кн. (Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989; Его же. Русская революция. От Ленина до Сталина 1917—1929. М.: Советско-британское изд-во Интер-Версо. 1990. Боффа Дж. История Советского Союза. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917—1941. Вып. I. М.: Межд. отношения, 1990. Т. I; Верт Н. История Советского государства, 1900—1991. М.: Прогресс, 1992; Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза. с 1917 г. до наших дней. Лондон, 1982; Каррер Д' Анкосе Э. Расколота империя. Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982; Силицкий Ф. Национальная политика КПСС в период с 1917 года. Сучаонисть, 1981, 2-е изд. и др.

101. Ахтямова Ю. С. Национальная политика Советской власти в Средней Азии в американской буржуазной историографии, 1917—1970 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1973; Зевелев А. И Зарубежная историография гражданской войны в Средней Азии//Учен. зап. Ташкентск. пед. ин-та. 1964. Т. 49. С. 67—98; Его же. Историография Советского Туркестана (историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент: Узбекистан. 1968; Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Шишкина Л. В. Басмачество: правда истории и вымыслы фальсификаторов. М.: Мысль, 1986; Иноятов К. Х. Национальные отношения в Советской Средней Азии в современной французской

литературе. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1982; Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Узбекистан, 1962; Его же. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Фан, 1976; Конкина С. К. Установление и упрочение Советской власти в Туркестанском крае в 1917—1921 гг. в современной англо-американской буржуазной историографии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985; Новоселов К. Н. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад: Туркменистан, 1962; Сарымсаков Р. Т. Современная американская буржуазная литература о национальных отношениях в Средней Азии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. 1983; Хидоятов Г. А. Правда против лжи. Ташкент: Фан, 1964 и др.

102. Конкина С. К. Предпосылки Бухарской народной революции в освещении советологов//Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии. Душанбе, 1990. С. 112—123; Мустафьев А. Х. Национальные отношения в СССР в трудах турецких авторов: Критический анализ националистических концепции. Баку: Элм, 1990; Темирходжаев Дж. П. Советская и зарубежная историография истории деятельности полномочных органов Коммунистической партии и Советского правительства в Средней Азии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1991; Токтомушев К. А. Великий Октябрь и начало социалистических преобразований в Туркестане (1918—1924) в новейшей советологии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Фрунзе, 1990; Хакимов Р. А. Народ и басмаческое движение в Средней Азии в освещении англо-американской историографии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1992; Хидоятова Н. Г. Басмаческое движение в современной советологии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1993.

103. The Trotsky Papers, 1917—1922. L., R., 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Гл. 1. Отечественная историография	9
Гл. 2. Зарубежная историография	25
Примечания	38

Бахытбай Абдикеримович Кошанов,
Аскар Мамбетович Джумашев

**ЗАРУБЕЖНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНА, ХОРЕЗМА И КАРАКАЛПАКСТАНА В
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА.**

Издательство «Каракалпакстан»

Нукус — 1997

Редактор *А. Коцанов.*
Художник *И. Кыдыров.*
Тех. редактор *К. Бекниязов.*

ИБ № 1943

Сдано в набор 14. 01. 97 г. Подписано к печати
18. 03. 97 г. Формат бумаги 70x108¹/₃₂. Бумага газетная
Высокая печать. Литературная гарнитура. Кегль 10.
Объем 1,5; 2,1 усл. п. л; 2,2 уч. изд. л. Заказ 145.
Тираж 2000 экз. Цена договорная.

Издательство «Каракалпакстан», 742000, г. Нукус,
ул. Каракалпакстан, 9.

Нукусский полиграфкомбинат Государственного ко-
митета Республики Каракалпакстан по печати. 742000.
Нукус, ул. Каракалпакстан, 9.